

Эти саженцы не были обычными растениями. Каждые три месяца их нужно было поливать кровью, иначе их листья желтели и увядали.

Восемь лет.

Целых восемь лет.

Если бы кровь Цзи Цаншэна не была отравлена змеиным ядом, он, вероятно, не рассказал бы Хуа Буюю о существовании этих саженцев до окончания обучения.

— Ты ещё не достаточно силён, чтобы защитить себя. — Сказал Цзи Цаншэн. — Я не буду мешать тебе расследовать это дело, но если ты пойдёшь на верную смерть, не трать зря ресурсы, которые Врата Тяньюань вложили в тебя.

Хуа Буюй медленно выдохнул, сдерживая накопившуюся горечь, и кивнул:

— Да.

Его поняли.

В тот момент его охватила сильная ненависть, и он едва не бросился на поиски правды о событиях восьмилетней давности.

Но слова Цзи Цаншэна отрезвили его. Какими силами он собирался расследовать это? Даже если он узнает правду, что он сможет сделать? Те, кто нанял таких убийц и смог изменить память людей, были не по зубам его нынешнему уровню.

Веер слегка ударил его по голове:

— Поторопись, я устал.

— ...Да.

— Не нужно столько.

— Достаточно, чтобы кончики листьев покраснели.

Цзи Цаншэн, стоя рядом, давал указания, опираясь на дерево и лениво махая веером, иногда подбрасывая пушистый шарик и наблюдая, как Хуа Буюй снова и снова режет запястье.

Юноше было всего четырнадцать, он уже вырос, но кости ещё не сформировались, и, сняв нарукавники, он выглядел довольно изящно, с округлыми костями, что придавало ему привлекательности.

Алая кровь капала на нежные зелёные ростки, мгновенно впитываясь, и вскоре кончики листьев становились тёмно-красными, а поникшие листья наполнялись жизнью.

К счастью, это были всего лишь ростки, и крови требовалось немного. Хуа Буюй встал, не чувствуя дискомфорта.

— Теперь ты будешь ухаживать за этим садом. — Цзи Цаншэн, опираясь на ствол, поднялся, но, сделав шаг, пошатнулся, и его поддержали за руку и поясницу.

Хуа Буюй инстинктивно подхватил его. Рука под широким рукавом была костлявой, талия

тонкой, а тело — хрупким, словно могло рассыпаться от одного прикосновения.

Хрупкий, болезненный цветок, который, казалось, вот-вот разобьётся сам по себе.

И это тело должно было нести на себе всю школу, поддерживать мир в Высшем мире бессмертных и защищать спокойствие Поднебесной.

Дыхание Хуа Буюя участилось, сердце билось как барабан, а кровь стала холодной. Что он делал с этим человеком все эти восемь лет... с тем, кто безмолвно и безгранично хорошо к нему относился.

Те предрассудки из прошлой жизни, несмотря на то, что разум неоднократно говорил ему, что этот человек сильно отличается от того, кого он помнил, всё равно заставляли его думать, что он злодей, что у него злые намерения.

Может ли Закон Тяньюань ошибаться?

Ответ был отрицательным.

Только тот, кто соответствует всем этим сложным правилам и качествам, мог быть признан Законом. Те строгие заповеди, которые он сам заучил за десятки лет, этот человек унаследовал в одиннадцать лет.

Это была природа, заложенная в костях, и такой человек не мог предать Поднебесную.

Хуа Буюй действительно хотел спросить, что же произошло в прошлой жизни, что привело к такому исходу, но этот человек перед ним ещё ничего не пережил...

Ещё не пережил!

Хуа Буюй внезапно осознал, что, возможно, именно поэтому он вернулся в эту жизнь — чтобы предотвратить ужасное будущее!

Эти мысли промелькнули за мгновение, и Хуа Буюй лишь на мгновение замер, а затем непроизвольно сжал руку, шепча заклинание.

Белые облака мягко собрались у его ног, поднимая их обоих.

— Учитель, будьте осторожны.

Хуа Буюй продолжал поддерживать Цзи Цаншэна, летя на облаке обратно к дому. Сердце билось быстро и сильно, наполняя его странным возбуждением.

Он убегал не от Цзи Цаншэна.

Наоборот, чем ближе он будет к Цзи Цаншэну, тем больше шансов предотвратить катастрофу до того, как станет слишком поздно!

Он хотел стать сильным, чтобы защитить тех, кто рядом, защитить свой дом и тех, кого защищает этот дом — весь мир.

Он обязательно остановит это, обязательно!

Облако медленно опустилось, и камень, долго висевший в его сердце, упал на землю и

растворился, оставив лишь чувство спокойствия.

— Учи...

— Бам!

Цзи Цаншэн захлопнул дверь перед его носом.

Неужели нельзя оставить хоть немного достоинства учителю?!

Оставшийся за дверью юноша почесал ухо. Кажется, он забыл, что, даже если он не будет избегать Цзи Цаншэна, с этим человеком всё равно нелегко ладить.

Но.

Хуа Буюй улыбнулся.

Он наконец нашёл.

То, чего не было в прошлой жизни, уже было рядом.

— Убери это.

Прошло больше месяца с тех пор, как они вернулись из городка Чанлин, и каждый день подавали куриный суп. Теперь Цзи Цаншэн тошнило от одного запаха курицы.

Хуа Буюй поставил коробку с едой на стол, закатал рукава и завязал их верёвкой, прежде чем начать выкладывать блюда.

Юноша стал немного выше, и администрация прислала новую одежду. В этом году летняя форма была дополнена несколькими цветами, и старшие братья и сёстры отдали самую редкую ткань этому «младшему брату». Хуа Буюй вынужден был надеть новую одежду сразу после того, как её сшили, чтобы поблагодарить своих товарищей.

Ему уже исполнилось четырнадцать, и повседневная одежда больше не была строго облегающей. В ней было удобно, но, привыкнув к форме ученика, делать такие мелочи стало неудобно.

В этом месяце он сам вызвался каждый день приносить еду, кружась вокруг Цзи Цаншэна, как пчела, иногда даже чаще, чем Чжэуа, что оставляло этого привыкшего заботиться о учителе старшего брата без дела.

Сегодня Хуа Буюй, как обычно, — он не боялся гнева Цзи Цаншэна, этот человек только ругался, но не злился по-настоящему, как ребёнок, и, послушав его несколько раз, можно было привыкнуть.

Расставив блюда, юноша помешал ложкой в супе, выловив несколько круглых капель жира.

Наполнив тарелку супом, он положил в другую тарелку куриную ножку и крылышко, снял кожу, отделил мясо и положил его в суп, поднёс к кровати и, не говоря ни слова, согрел суп внутренней энергией.

В таких противостояниях Цзи Цаншэн обычно проигрывал. Сегодня он был твёрдо настроен больше не пить суп, но услышал, как Хуа Буюй сказал:

— Недавно я случайно нашёл в книге рецепт лotosовых пирожных и отнёс его в столовую. Сегодня их только что приготовили, они ещё горячие.

Цзи Цаншэн:

— ...

Почему он не убил этого парня раньше?

Вторая госпожа Ван тоже умела готовить лotosовые пирожные, но из-за сложности рецепта их редко делали в столовой, и, как только их подавали, их сразу разбирали. Кто-то был слишком скромн, чтобы просить, поэтому ел их всего несколько раз в год.

Цзи Цаншэн вздохнул, встал, выпил суп и съел мясо, с трудом сдерживая желание выбросить тарелку за пределы Врат Тяньюань. Он не понимал, как Хуа Буюй мог есть это каждый день и не надоедать.

После небольшой миски супа аппетит пропал. На стол поставили небольшое блюдо с тремя лotosовыми пирожными, меньше ладони, снаружи зелёные, внутри розовые, слоистые и прозрачные, будто сделанные из нефрита, больше похожие на произведение искусства, чем на еду.

Кроме пирожных, было ещё несколько закусок. Это было то, что Хуа Буюй собрал утром, когда шёл за цветами — молодые листья лotosа, которые в стихах называли «маленькие листья, только показавшие кончики». Их разорвали на кусочки, обваляли в муке и обжарили. Неизвестно, откуда пришёл этот рецепт.

После того как жир в желудке растворился, стало легче. Наблюдая, как Хуа Буюй убирает посуду, Цзи Цаншэн выглядел немного задумчивым.

Авторское примечание: Сейчас два часа ночи, и, пока я писала эту главу, в голове крутилась одна мысль: «Голова болит». Обработка эмоций слишком сложна. И я считаю, что ненависть, основанная на упрямых убеждениях, не может измениться в одночасье. История медленная, очень медленная. Следующие две небольшие арки будут легче, чтобы развить отношения и добавить немного сладости, они наконец преодолели барьер (односторонне) (рыдает).

Рекомендую произведение моей милой подруги:

«Кто взял сценарий злодея» от Вэнь Фэйянь.

Кто хуже, кто злодей?

Если спросить Цзи Цаншэна, о чём он больше всего сожалеет.

<http://bllate.org/book/17680/1648253>